

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК АБЕРРАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

***Аннотация.** Дается сравнительный анализ концептов «культурная память» и «историческая память». Культурная память рассматривается как объективный механизм воспроизводства социокультурного целого. Историческая память характеризуется как опосредованное и политически ангажированное (идеологическое) отражение социальной действительности.*

***Ключевые слова:** культурная память, историческая память, преемственность как сохранение прошлого в настоящем.*

Михаил Барг, один из известных исследователей феномена исторического сознания, в конце XX века высказал совершенно справедливую вещь, указав на необходимость выработки исторического подхода к самой проблеме историзма: «... речь идёт об историзме самого исторического сознания и способов, с помощью которых оно формировало и истолковывало содержание истории, – способов идеологических, логических, риторических» [1, с. 7].

Говоря об историзме самого исторического сознания, Михаил Барг имел в виду процесс становления качественно разных, но при этом преемственно связанных между собой, ступеней зрелости исторического сознания: «Возникнув в рудиментарной форме на заре цивилизации, это сознание [историческое] с течением времени изменяется настолько, что его «предельные значения» внешне предстают как антиподы, т.е. как сознание неисторическое (к примеру, миф как тип историзма) <...> и историческое (к примеру, историзм, родоначальником которого был Джамбаттиста Вико). Тем не менее, в их глубокой подоснове эти внешне столь несопоставимые формы экзистенциального сознания человека в действительности воплощают начальную и «конечную» ступени («круги») развития историзма...» [1, с. 8].

В связи с этим закономерно возникает вопрос: можно ли сегодня отнести к числу очередной, четвёртой по счёту, ступени зрелости исторического сознания феномен, обозначаемый ныне концептом «историческая память», возникшим в последней трети XX века? Думается, нет. Более того, данный концепт скорее можно квалифицировать как осознанно предпринимаемые попытки разложения исторического сознания, разложения системы научных взглядов на содержание и формы развития истории путём вытеснения самого понятия исторического сознания из социально-гуманитарного дискурса и подмены его концептом «исторической памяти», эдакой аберрацией исторического сознания, на деле являющейся чем-то принципиально антиисторическим по самой своей сути. Так ли это, и если – так, то какие содержательные характеристики и параметры концепта «историческая память» дают нам основание делать подобные заключения?

Последние десятилетия века ушедшего и первое десятилетие века наступившего ознаменовались настоящим всплеском интереса к *теме памяти* – теме, занявшей совершенно особое по своей значимости место в ряду других тем современного социально-гуманитарного дискурса. Тема памяти, как верно подметил Патрик Хаттон, становится «квинтэссенцией междисциплинарных интересов. Это была тема для всех, однако ни у кого не было на эту тему преимущественного права» [2, с. 9].

О чём может свидетельствовать сложившаяся ситуация? Думается, не только о значимости зарождающейся проблематики и появлении нового проблемного поля. В не меньшей степени она может служить свидетельством *незрелости предметного содержания* циркулирующих в междисциплинарном дискурсе новых понятий, их теоретической неопределённости и размытости их концептуальных границ. В таких условиях неоправданно широкое использование содержательно неустоявшихся понятий разными научными дисциплинами оказывается не только непродуктивным, но и приводит к серьёзной понятийной путанице внутри наук. Так, И. М. Савельева, рефлексирова по поводу содержания нового для историографии понятия «историческая память», задаётся вопросом: «Почему на исходе XX в. наряду с понятиями *историческое знание* и *историческое сознание* появляется концепт *историческая память*?», ведь «...до поры до времени историки вполне обходились

понятием «историческое сознание», более того, историческое сознание рассматривалось как базовая характеристика мировоззрения Нового времени» [3, с. 407]. «Появление же темы исторической памяти в историографии, - констатирует И. М. Савельева, - ...усугубило понятийный беспорядок. Здесь вполне уместна аналогия с «клубком», который, как известно, в русском языке имеет противоречивые значения: аккуратно смотанные нитки (порядок) и «клубок противоречий» (беспорядок)» [3, с. 408].

Насколько оправданно увлечение новым понятием историками, это – одна сторона дела. Другая заключается в том, что *спектр значений* концепта «историческая память» представляется весьма спорным также и по иным основаниям. Речь идёт о своего рода «теоретической экспансии» нового концепта с сомнительной репутацией в область *собственно философских исследований*, выражающаяся в попытках подменить собой сходное по звучанию, но все же *другое* понятие – понятие «культурная память». С целью экспликации обоих понятий, а также во избежание дальнейшей понятийной путаницы, проистекающей из их некритического использования, попытаемся провести демаркационную линию между понятиями «культурная память» и «память историческая», в связи с чем прибегнем к такому простому и надёжному средству, как *сравнительный анализ* обоих понятий.

Как уже упоминалось, интересующие нас понятия появляются на исходе XX века. В 70-х годах, согласно свидетельству известного немецкого культуролога Яна Ассмана [4, с. 21], в работах Юрия Лотмана по семиотике культуры впервые появляется *термин* «культурная память», который вводится в обиход философской мысли в связи с активно проявляемым в этот период интересом к коммуникативно-трансляционной функции культуры; почти сразу вслед за этим, в 80-е годы в рамках французской историографии не менее активно начинает проблематизироваться тема *исторической памяти*. И хотя интересующие нас концепты появляются практически одновременно, тем не менее, поводы и причины их появления весьма и весьма несхожи и даже прямо-таки противоположны.

Понятие *культурной памяти* вырабатывалось, прежде всего, для обозначения *социальных* по своей природе и *надындивидуальных* по форме своего бытия механизмов *негенетического* отбора, сохранения и передачи социально значимого опыта. Это задавало

вполне определённое понимание феномена культурной памяти как такого *объективного механизма сохранения прошлого в настоящем*, который существует вне и независимо от сознания отдельно взятых индивидов, социальных групп и проч. и который обеспечивает преемственность исторического процесса, будучи *имманентным свойством самого развивающегося социокультурного целого* (общественного организма), – свойством, состоящим в *способности общественного организма сохранять себя во всех своих модификациях, воспроизводя условия своего существования на всех этапах развития*. Исходя из этого, культурную память можно рассматривать как *философское понятие*, выражающее единство противоположных категориальных характеристик социально-исторического процесса, обеспечивающих, с одной стороны, его *развитие и изменчивость*, с другой – *устойчивость и преемственность*. Иными словами, понятие «культурная память» фиксирует существование в истории удивительного феномена, а именно: способности социокультурного целого *сохранять в своём актуальном бытии своё собственное прошлое*.

Что же касается «исторической памяти», то она, как показывает в серии очерков П. Хаттон, проблематизируется в западной историографии французскими историками и философами в 1980-е годы в рамках очередной методологической ревизии оснований исторической науки. При этом характерно то, что она начинает активно обсуждаться в связи с укоренением постмодернистского тезиса о *власти историографических дискурсов*, которые конструировались преимущественно для того, чтобы утвердить «*нужные традиции в качестве официальной памяти общества*: «Историки-постмодернисты интересовались памятью как средством мобилизации политической власти и отвергали внутреннюю ценность традиции самой по себе» [2, с. 13].

Сразу отметим эту важную для понимания сущности «исторической памяти» деталь: именно соображения *идеологического порядка* ставят в центр внимания историков-постмодернистов вопрос о характере и ресурсах коллективной памяти. В этой связи их внимание концентрируется на *теме коммеморации*, включающей как определённую *политику памяти*, так и соответствующую ей *практику*, когда объектами коммеморативного поклонения становились не только важнейшие политические персоны XIX-XX вв., но и главные исторические события, что в целом позволяло форми-

ровать в публичной сфере нужные для политики *образы* социальной действительности. «На этой благодатной тропе..., - констатирует П. Хаттон, - и возник в 80-е годы новый жанр исторической науки. Его можно назвать историей политики коммеморации» [2, с. 36]. Всего за несколько лет тема политики памяти оказалась в центре интересов историографии, совершенно очевидным образом сосредоточенной *на производстве образов* в коммеморативных практиках [2, с. 38]. Коммеморация стала своего рода приёмом мнемотехники, сознательно созданной лидерами государств-наций технологией формирования коллективной памяти, способной пробуждать нужные воспоминания и за счёт этого направлять скрытую эмоциональную энергию масс в нужное русло. Так, вполне определённая политика памяти и соответствующая ей практика на рубеже столетий становятся фактором, инспирирующим появление концепта «*историческая память*», главное предназначение которого как раз и состоит в том, чтобы быть эффективным средством реформатирования исторического прошлого с целью придания нужного вектора развития настоящему.

В этой связи любопытно следующее обстоятельство: вместе и наряду с утверждением «исторической памяти» государств-наций в современном мире на историческую сцену выходит так называемый "фактор демократизации истории" – мощное движение освобождения и эмансипации народов, этносов, групп, которое способствовало быстрому возникновению разнообразных форм памяти национальных меньшинств, для которых отвоение собственного прошлого стало необходимой составляющей утверждения их идентичности. «Этот бурный расцвет памятей меньшинств глубоко изменил соотношение и взаимоотношения истории и памяти» [5]. Незаметно свершившаяся инверсия смысла породила странное зрелище – память *вместо* истории, в которой история как единый объективный процесс исчезает в плюралистическом калейдоскопе «исторических памятей». Это обстоятельство как нельзя лучше помогает нам увидеть принципиальное различие понятий «культурная память» и «историческая память».

Если *культурная память*, как было показано выше, есть философское понятие, отражающее фундаментальное свойство культуры, состоящее в способности социокультурного организма сохранять и воспроизводить свою *целостность*, а именно: воспроиз-

водить себя в своей тождественности, всеобщности, инвариантности и одновременно продуцировать в себе самом различие, особенность, изменчивость, то в случае с *исторической памятью* мы имеем дело с опосредованным политическими интересами *идеологическим отражением* социальной действительности. Если культурная память, говоря языком Гегеля и Маркса, есть некая «объективная мыслительная форма», выработанная в качестве *объективно существующего механизма* сохранения прошлого в настоящем; если, согласно этой точке зрения, прошлое не надо реконструировать, в смысле – искусственно *конструировать* (подгоняя под свои интересы и цели), ибо *оно всегда так или иначе присутствует в настоящем*, то в случае с «исторической памятью» дело, опять-таки, обстоит прямо противоположным образом.

Именно потому, что феномен «исторической памяти» есть не что иное, как *функция власти*, которая определяет, *как* следует представлять прошлое, именно поэтому историки коммеморации (они же – адепты постмодернизма) с самого начала «...стремились заключить в скобки вопрос о том, что может быть аутентичным в традиции, или какой силой влияния прошлое обладает само по себе, независимо от наших сознательных попыток его восстановить» [2, с. 14]. Расхожий тезис постмодернизма гласит: поскольку прошлая социальная реальность *актуально не существует*, постольку, изучая прошлое, мы имеем дело уже не с самим прошлым, а лишь с его *образом* (или, с *образами*), то есть с тем, что *создаём мы сами*, с тем, что *мы конструируем*. Следовательно, наше *знание о прошлом* тождественно *конструированию прошлого*. Именно эта посылка лежит в основании общего вывода о том, что *настоящее* не только определяет то, *что* нужно помнить и *что* подлежит забвению, но и *само конструирует прошлое*. Это, конечно же, чистый субъективизм, в силу чего оба эти тезиса представляются нам не только сомнительными, но и глубоко неверными по самой своей сути.

Поскольку, согласно историкам-постмодернистам, «прошлое зависит от способа его репрезентации», то, стало быть, «*прошлых*» может быть *много* как в том смысле, что у каждой эпохи – *своё прошлое*, ибо это «прошлое постоянно меняет свою форму в дискуссиях, предлагаемых настоящим», так и в том смысле, что у каждого коллектива, социальной группы или этноса, сосуществующих в настоящем, – тоже есть *своё прошлое, своя историческая память*

о котором есть не просто сохранение и восстановление некоей общей для всех «исторической правды», а суть *единственно истинное* изображение прошлого. Как будто в обществе *нет никаких других*, кроме этого – одного-единственного – этноса или группы с их столь же правомерными собственными притязаниями на *историческую правду* и *эксклюзивное понимание* прошлого (как раз и фиксируемое специально изобретённым по этому случаю конструктом «историческая память»). Как будто нет *самого общества в целом* в виде государства-нации с единой и общей для всех составляющих его групп и этносов *историей-судьбой* и *общей* для всех *памятью о ней*. В данном случае мы получаем не только исторический релятивизм, но и *нечто совершенно новое* – то, что в своё время Михаил Лифшиц охарактеризовал как *«род общественного солипсизма»*. А это – уже диагноз куда более тяжёлый, свидетельствующий о серьёзном заболевании – о *методологическом нигилизме*, об отказе от научно-теоретического осмысления действительности.

Удивляться этому не стоит: когда на вооружение берётся принцип *методологического плюрализма*, его оборотной стороной, как ни парадоксально, в итоге всегда оказывается принцип *методологического индивидуализма* (он же – «род общественного солипсизма»), когда каждый из множества сосуществующих в рамках единого общества этносов, групп, коллективов с воинствующей нетерпимостью утверждает монополию на истину только *одной-единственной памяти* – *«своей»*, отвергая притязания остальных как *неистинные репрезентации прошлого*.

Анализ рассмотренной проблематики, будучи переведён в практическую плоскость, может быть резюмирован в следующих выводах: 1) устойчивое существование общественного целого может быть обеспечено только при наличии стабильно функционирующих объективных механизмов развития (фиксируемых понятием культурной / социальной памяти), обеспечивающих воспроизводство самих условий преемственного существования общества и получающих своё идеологическое выражение в формах исторического самосознания общества; 2) разложение же общенационального исторического самосознания общества, его фрагментация на отдельные составляющие, образующие постоянно меняющийся kaleidoscope «исторических памятей», выражающих исключительно

партикулярные интересы и цели отдельных социальных групп и этносов, является абсолютно недопустимым полит-технологическим приёмом расшатывания государства и его духовных основ.

Список литературы

1. Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М. : Мысль, 1987. – 348, [2] с.
2. Патрик Х. Хаттон. История как искусство памяти. – Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2003. – 423 с.
3. Савельева И. М. Перекрёстки памяти. – в кн.: Патрик Х. Хаттон. История как искусство памяти. – Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2003. – 423 с.
4. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
5. Нора П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // РЖ Русский журнал [Электронный ресурс] / [разраб.]: Т. Тихонова, С. Костырко. – Электрон. дан. – [Б. м. : б. и.], сор. 2001. - Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>. - Загл. с экрана.

T. E. Ragozina

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

HISTORICAL MEMORY AS AN ABERRATION HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Abstract. *The article gives comparative analysis of the content of concepts of 'cultural memory' and 'historical memory'. Cultural memory is being analyzed by the author as objective mechanism of reproduction of social and cultural total. Historical memory is characterized as mediate and politically engaged (ideological) reflection of social reality.*

Key words: *cultural memory, historical memory, continuity as saving the past in the present.*